

Николай Михайловский

Медные лбы и вареные души

Николай Константинович Михайловский

Медные лбы и вареные души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2450605

Н. К. Михайловский. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

«Наступившая после спада общественной активности 60-х годов эпоха реакции наложила свой мрачный отпечаток на сатирические жанры журналистики и, в частности, на фельетон...»

Содержание

Комментарии

Николай Константинович Михайловский Медные лбы и вареные души¹

Наступившая после спада общественной активности 60-х годов эпоха реакции наложила свой мрачный отпечаток на сатирические жанры журналистики и, в частности, на фельетон. «При такой невеселой существенности и еще менее отрадной будущности, – писал один из руководителей журнала „Отечественные записки“, Г. З. Елисеев, – что, спрашиваю я, стал бы делать „Свисток“ в русской литературе настоящего времени – „Свисток“, который не мог написать строки, не обидевши кого-нибудь, который в одном коротеньком стихотворении мог обидеть 50 человек? Ему бы оставалось прямо переселиться на постоянное жительство на гауптвахту или в тюрьму». Это замечание объясняет, почему в 70-е годы фельетон стал реже появляться на страницах демократической прессы, тогда как пышным цветом расцвел фельетон развлекательный, обывательский, бульварный. Однако в лучшем демократическом журнале тех лет – «Отечественных записках» фельетонная традиция не была утрачена. Здесь регулярно появлялись сатирические циклы М. Е.

Салтыкова-Щедрина, который часто включал в них фельетоны, а также литературно-публицистические статьи Николая Константиновича Михайловского (1842–1904). нередко носившие фельетонный характер. К ним относится, например, помещенная в отделе «Записки современника» статья «Медные лбы и вареные души», где Михайловский показывает обладателя «медного лба» – оголтелого реакционера от литературы и «вареную душу» – обывателя, который, не имея воли и собственных убеждений, бредет за тем, кто сильнее.

«Многие глубоко русские, истинно народные точки зрения газеты „Русь“^[1], конечно, несравненно ближе разуму и сердцу сплошной массы русского общества, чем озлобленные издевательства над Россией и русским какого-нибудь органа бесплодного отрицания и космополитических грез, словно в насмешку присвоившего себе имя „Отечественных Записок“, и других органов печати нашей, у которых нет на душе ни одного русского чувства, ни одной русской мысли. Все эти органы расхожего европейского либерализма без собственного труда и заботы снабжаются всем готовым прямо с базара, как бесхозяйственные проходимцы одеваются с головы до ног в первом попавшемся магазине готового платья... Стая литературных попугаев... Бесшабашное и беспрепятственное гарцевание на поле общественной мысли одних только оторвавшихся от своей родной почвы либеральствующих нахалов, облаивающих все исторические народ-

ные святыни, все простое, искреннее и теплое, что сохранилось в душе современного русского человека. Эти литературные галманы...»

Так полагает г. Евгений Марков^[2] («Русская речь» № 5). Проходимцы, обезьяны, попугаи, нахалы, галманы и еще многое другое в этом роде, что мне уже лень было выписывать. Мне кажется, что для собеседования с человеком, извергающим такой искрометный фонтан крепких слов, я имею право прибегнуть к выражению «медный лоб». Отнюдь не в отместку, прошу заметить. Если бы дело шло об отместке, то не предстояло бы никаких затруднений ответить на фонтан фонтаном, даже усиленным; ибо, извлекая из мира животных попугаев и обезьян, а из человеческого ругательного лексикона – нахалов, проходимцев и каких-то «галманов», г. Марков, конечно, далеко не исчерпал источника ругательств. Такой отповеди я не беру на себя и просто попрошу г. Маркова зайти в праздничный день в кабак и принять на свой счет все те крепкие слова, которые он там услышит. Будет сыт по горло. Медные лбы – другое дело. Не ради ругани употребляю я это выражение, а только в качестве характеристического названия целого типа людей, весьма распространенного всегда, а ныне в особенности.

Знаете ли вы, что такое медный лоб? Нет, вы не знаете, что такое медный лоб, потому что, если бы вы знали, то положение медных лбов было бы совсем иное. Положим, губернские чиновники знали, что Ноздрев без зазрения сове-

сти лжет и нечисто играет в карты, но все-таки играли с ним, хотя и с предосторожностями, и к нему именно, заведомо-му вралю, обратились за разъяснением истории с мертвыми душами. Ясно, что чиновники, собственно говоря, не знали Ноздрева. Не знали тем высшим психологическим знанием, которое охватывает всего познающего и, пропитав собою все его существо, не дает ему остановиться на безразличном отношении к человеческой душе, а сопрягается с любовью или ненавистью, презрением или уважением. Вот этого-то высшего, всеохватывающего и всепроникающего знания у нас вообще очень мало. Живописуя Ноздрева, Гоголь довольно справедливо заметил: «Что всего страннее, что может только на одной Руси случиться, он (Ноздрев) через несколько времени уже встречался опять с теми приятелями, которые его журили, и встречался как ни в чем не бывало: и он, как говорится, ничего, и они ничего». Положим, что не только на Руси это может случиться, но во всяком случае на Руси скопилось много условий, благоприятных для подобных казусов. Темпераменты у нас уже от природы довольно кисельные. Получили ли мы свою вареную душу от отдаленных предков в наследство или нам ее внедряет наш русский пейзаж, лишенный ярких красок и резко очерченных форм, но достоверно, что русская душа бывает сплошь и рядом вареная: что-то бледное, расплзающееся, почти лишенное силы сцепления между частицами. Вернее, впрочем, предположить, что дело тут не в природе, а в истории. Действительно,

наша мутно-серая история так сложилась, что не на чем было воспитаться чувству собственного достоинства, которое побуждало бы брезгливо отталкивать от себя всякую гадину и держать ее на том почтительном расстоянии, на котором ее амикошонские любезности^[3] или фонтаны ругательств имели бы характер только физического явления, колебания звуковых волн. Наконец, наше настоящее таково, что огромное большинство русских людей «тузит» друг друга вроде как из-за выеденного яйца. Что же мудреного, если после такой потасовки русские люди, «как говорится, ничего»? Что же мудреного, что и вы не знаете настоящим образом, что такое медный лоб? Вы знаете, что он нагл, бесстыден, не чист на руку, лжец и клеветник, но вы терпите его в своем обществе и нет-нет, да и обратитесь к нему с предложением сыграть пульку или даже за каким-нибудь разъяснением. Правда, что, выслушав разъяснение, вы иной раз только руками разведете или, подобно полицеймейстеру, скажете в раздумье: «Черт знает, что такое!». Но во всяком случае вы его до себя допускаете, если даже не сами к нему лезете, а следовательно, настояще его не знаете.

Само собою разумеется, что я не мечтаю о сообщении вам такого знания, потому что оно и вообще не сообщается, а дается только жизнью. Когда дух жизни, вольной и широкой, коснется вас своим магическим жезлом; когда выеденное яйцо перестанет быть исключительным предметом ваших мыслей и чувств; когда явится перед вами что-нибудь в са-

мом деле дорогое, за что стоит любить и ненавидеть, венчать лаврами и закидывать гнилым картофелем, – тогда и только тогда узнаете вы, что такое медный лоб. Все это когда-нибудь да будет, разумеется, или же русская история прекратит свое течение: «вша заест». Я даже думаю, что это довольно скоро будет. Но пока что, а теперь разве только крупный художник может, забегая течению жизни вперед, за клеймить медный лоб таким клеймом, что даже в нашем современнике, в этой несчастной, загнанной в раковину улитке, зашевелится чувство отвращения.

Однако Гоголь был крупный художник, Ноздрев – несомненный представитель породы медных лбов, а клеймо позора вовсе уж не так ярко горит на нем. Напротив, вспоминая его, вы смеетесь презрительным, но все-таки снисходительным и добродушным смехом. Да, но я говорю только, что крупный художник может послать медному лбу такую пулю, которая даже от него не отскочит. Это не значит, что крупный художник, взявшись за известную задачу, непременно ее выполнит. Да Гоголь и не имел в виду специально медный лоб. Он осложнил фигуру Ноздрева тою беспорядочною и бесшабашною, но добродушною удалью, которая так часто исполняет у нас обязанность истинного благородства и которая в глазах русских людей сама в себе несет какое-то странное оправдание. «Широкая натура», «душа-человек» – каких мерзостей не простит своему ближнему русская вареная душа за эти качества? Вареная душа поражается зрелищем

суетливой юркости, безраздумной решительности суждений и поступков, всего этого угара «широкой натуры», каковое зрелище представляет такой резкий контраст с собственным состоянием вареной души. И вареная душа прощает. Прощает тем охотнее, что, несмотря на контраст между нею и Ноздревым, они очень близки друг другу. Ноздрев в сущности – такая же вареная душа, не знающая истинной любви и ненависти, лишенная всякой устойчивости и дельности, но только одаренная медным лбом и размашистым жестом. Простая вареная душа колеблется направо и налево, делает шаг вперед и два шага назад, потому что никакое глубокое чувство ей не доступно. Не доступно оно и вареной душе, украшенной медным лбом и размашистым жестом: сегодня она задушит поцелуями того самого человека, которого завтра обдаст целой лоханью помоев. Но в каждую данную минуту она поражает веселую безапелляционностью своих решений.

Дело заключается, может быть, еще в том, что нравственное чувство, возмущенное поступками Ноздрева, не имеет времени разрастись до размеров оскорбленной справедливости. Положим, что сегодня Ноздрев чуть-чуть не избил Чичикова чубуком и руками своих холопов, но ведь вчера его, может быть, самого высек поручик Кувшинников, а завтра ему выдерет одну бакенбарду штабс-ротмистр Поцелуев. Сегодня он обыграл шулерским образом первого встречного, а завтра такой же встречный обыграет его самого начисто,

хоть пешком к себе в деревню иди. Неправедно торжествующего Ноздрева вы почти не видите. Та самая бесшабашная неугомонность, которая толкает его на мерзости, приготовляет ему и наказание, так что чувство возмездия в постороннем наблюдателе насыщено. Притом же все шулерства Ноздрева, все его беспардонное лганье и наглость вращаются исключительно в кругу его личных делишек. Конечно, он врет, когда уверяет, что поймал руками зайца, но нам с вами нет никакого резона принимать это вранье близко к сердцу. Он ли прибьет Чичикова или, напротив, его самого выпорот поручик Кувшинников – это опять-таки только их троих касается. Выиграет ли Ноздрев или останется в убытке, променяв шарманку на бричку, – это тоже для нас с вами довольно безразлично. В дела характера общего и общественного, задевающие более или менее широкий круг интересов, Ноздрев не мешается. Он – человек мерзостного личного факта только, а не мерзостного общего принципа. Он никого не уверяет, что вчера спас или завтра спасет отечество; он говорит только, что поймал руками зайца и что у него была лошадь голубого цвета. Безбожно клеветца на Чичикова, Ноздрев согласен подтвердить предположение губернского общества, что он, Чичиков, – французский шпион; но и тут, в высший момент своего наглого лганья, он собственно не в политической неблагонадежности обвиняет Чичикова, а уверяет только, что Чичиков был в школе «фискалом». Словом, Ноздрев органически не может выбиться из тины личных мелочей и

вынести свой медный лоб на почву политической клеветы и политического шулерства. Это – также весьма веское смягчающее или примиряющее с распущенностью Ноздрева обстоятельство.

Но ни одно из этих смягчающих обстоятельств не составляет необходимой принадлежности медного лба. Напротив, тип предстал бы перед нами ярче, рельефнее, если бы меднолобию был предоставлен возможно широкий район деятельности. Во всяком случае нынешний медный лоб не обладает ни подкупающею широтою натуры, каковая могла питаться главным образом только крепостным правом, ни похвальной воздержанностью относительно принципов и общественных дел. Нынешний медный лоб – такой же виртуоз в деле наглости, клеветы, хвастовства, передержек, как и Ноздрев, но у него, во-первых, есть прихода-расходная книга, куда он аккуратно заносит результаты своей деятельности, а во-вторых, он выносит свое бесстыдство на арену общественной жизни. Это отнюдь не значит, чтобы он обзавелся какою-нибудь определенной политической точкою зрения. Нет, он по-прежнему весь, до дна, исчерпывается своим меднолобием и сохранил даже все ноздревские технические приемы клеветы, шулерства и лганья, но он завоевал себе новое поприще, где есть на чем разгуляться его дрянным инстинктам. Для него по-прежнему нет ничего заветного, но уже не шарманки и лошади, не собаки и брички, не живые и мертвые души составляют предмет его коммерче-

ских операций, а политические принципы. Он их меняет с такою же бесшабашною стремительностью, как Ноздрев менял собак, и продает, не всегда за деньги, но во всяком случае продает. В нем говорит все то же неудержимое стремление напасть на ближнего, но сфера приложения этого инстинкта для него много расширилась. Гоголь мог бы предвидеть это дальнейшее развитие намеченного им типа, потому что на себе испытал его веяние. Певцу «бедности и несовершенства нашей жизни» современные ему медные лбы не раз бросали упрек в недостатке любви к России и в «облаивании исторических народных святынь»...

Теперь г. Евгений Марков предьявляет этот самый упрек «Отечественным Запискам». Да и один ли г. Марков! Г. Марков с своими напыщенными, вылощенными прозаическими гимнами. г. Марков, не умеющий слова сказать без ужимки, бывает подчас до такой степени смешон, что лично о нем не стоило бы говорить. Ну его! Пусть расстилается сизым орлом под облаками^[4], пусть собирает по кабакам коллекцию крепких слов, пусть вообще проводит свое время, как ему угодно. Г. Марков хоть и ловит зайцев руками, но сам понимает все-таки свое слабосилие. Он приветствует газету «Русь» в качестве органа, который наконец разгонит торжествующих «галманов» и «либеральствующих нахалов». Над собой и над своими присными в «Русской речи» г. Марков ставит, значит, крест: они могут топорщиться и восклицать, подниматься к облакам и спускаться в кабаки,

но «галманов» им не разогнать. Так Ноздрев понимал, что хоть у него и была лошадь голубого цвета, но во многих отношениях пальма первенства принадлежит все-таки не ему, а поручику Кувшинникову и штабс-ротмистру Поцелуеву^[5].

Будучи лишен всякой оригинальности, будучи вообще мизерен и неинтересен как личность, г. Марков есть тем не менее любопытный тип. Только в качестве типа он нас здесь и занимает. Читатель без труда припомнит те более или менее распространенные в нашей литературной и общественной жизни черты меднолобия, которые г. Марков своим красноречием повторяет.

Обратите прежде всего внимание на время, избранное г. Марковым для обличения «Отечественных Записок» в «озлобленном издевании над Россией» и в «облаивании исторических народных святынь». Это – время, почти непосредственно следующее за кровавым событием 1-го марта^[6]. Время ужаса и чуть не повального одурения; время невозможных проектов перенесения столицы в Москву и обществ взаимного добровольного шпионства; время расцвета того дикого якобы патриотизма, который, как хорошая охотничья собака, обнюхивает каждый куст, не пахнет ли жидом, поляком, вообще нерусским или русским изменником. Надо обладать действительно очень крепким лбом, чтобы в такое время указать пальцем на тот или другой орган печати и сказать: вот кто облаивает исторические народные святыни! вот кто озлобленно издевается над Россией и всем русским!

Читатель знает, что не один г. Марков занимался этим благородным ремеслом <...>.

Г. Марков говорит об «органах расхожего европейского либерализма», изящно указывая при этом на неправильность названия «*Отечественные Записки*» для журнала, который занимается «облаиванием» народных святынь и презирает все отечественное. Мы не выбирали названия для своего журнала, а получили его по невольному наследству, в силу тех особых условий, в которых стояла и стоит русская печать. Но, по правде сказать, если бы нам предстоял свободный выбор, мы, вероятно, выбрали бы не «*Отечественные Записки*», а какое-нибудь другое название. Прежде всего, впрочем, ввиду того, что название это не особенно удачно в логическом и грамматическом отношении. А затем и по более интересным причинам.

Очень уж много недоразумений возбуждает слово «отечество». Я не говорю о том давно поставленном вопросе, Германию или Францию должны считать ныне своим отечеством эльзасцы и лотарингцы. Вопрос, интересный для самих эльзасцев, интересный теоретически, но собственно для нас в момент собеседования о нашем патриотизме совершенно безразличный. Мы – коренные русаки, и ни даже самый подозрительный медный лоб не мог до сих пор открыть присутствие «жидовского», польского и вообще инородческого элемента в составе нашей редакции. Не то чтобы мы гнали от себя «жидов» и иных, нет, просто так случилось.

Как бы то ни было, «случай ли выручил, бог ли помог», но одна опасность и одно затруднение для нас не существуют. Есть, к сожалению, другие.

Спрашивается: если я люблю свое отечество, то люблю ли и должен ли любить все, что в нем живет, летает и пресмыкается, всех птиц и гадов, его населяющих? Обязан ли я, например, любить г. Маркова и все сонмище медных лбов «отечественной фабрикации»? Мне кажется, это не обязательно. Хотя бы потому не обязательно, что, любя медные лбы, я должен не любить многое русское же, несомненно русское, что эти медные лбы колотят своею металлическою непроницаемостью. Возьмите крупный, хороший и притом русский орех и подставьте его медному лбу: медный лоб не то что безжалостно, а просто в силу своей неответственной металличности расплющит орех, не разбираючи шелухи и ядра. Могу ли я пожалеть о бесследно погибшем прекрасном русском орехе? Мне кажется, это позволительно. И не только позволительно, а может даже быть правомерно введено в сферу любви к отечеству, ибо бесплодно погибший прекрасный орех был русский: он вырос на отечественной почве, обмывался отечественным дождем и созрел под отечественным солнцем. С другой стороны, медный лоб тоже справедливо говорит, что он отечественной фабрикации. Он, может быть, даже мнит себя неприкосновенной «народной святыней» или чем-нибудь в таком роде. Это он врет, конечно. Но надо же все-таки, значит, выбирать между любовью к рус-

скому медному лбу и любовью к раздавленному им прекрасному русскому ореху. Где та возвышенная точка, с которой этот выбор может быть сделан правильно?

Спрашивается далее: если я люблю отечество, то не могу ли в то же время любить некоторые вещи, не отечественные правда, но и не стоящие в прямом противоречии с *идеей* отечества; те международные вещи, о которых, употребляя слова писания, следует сказать, что по отношению к ним несть эллин ни иудей? Такие вещи, бесспорно, есть, они называются: истина, справедливость, свобода, труд, честь, совесть и проч. Мне кажется опять-таки, что любить их не только позволительно, а даже обязательно для истинного сына отечества. Мало того, быть может, вся задача истинного патриота исчерпывается посильным водворением этих прекрасных международных вещей в своем отечестве. По крайней мере так именно понимали дело многие великие европейские и русские люди, составляющие гордость своей родной страны. И, наоборот, нельзя указать ни одного исторического примера, чтобы родина с благодарною гордостью вспоминала о человеке, который гнал из нее великие международные вещи; не русские или французские, не эллинские или иудейские, а те, что всем ровно светят и всех ровно греют, как солнце. Видеть свою родину хотя бы в будущем облеченною в броню истины и справедливости – г. Марков и К⁰ называют это «космополитическими грезами». Так ли, полно? По-моему, это не грезы, а если грезы, то во всяком случае патриотиче-

ские. А впрочем, дело не в словах, и, повторяю, если бы выбор от нас зависел, то во избежание недоразумений мы не назвали бы, вероятно, своего журнала «Отечественными Записками».

Недоразумения еще не исчерпаны. Дело в том, что великие международные вещи не противоречат *иде*е отечества, а, напротив, дают ей опору. Но понятно, что фактическому положению отечества они могут в каждую данную минуту противоречить самым резким образом. Еще недавно мы слышали с высоты трона о духе «неправды и хищения», бременящем наше отечество. Этой есть указание на противоречие великих международных вещей с фактическим положением родины в данную минуту. Ясно, следовательно, что, любя отечество, можно и должно многое в нем ненавидеть, презирать, гнать, клеймить, позорить. И если бы (беру случай теоретической возможности) мрачные исторические условия обратили хищение и неправду даже в «народную святыню», так и то она должна быть низвергнута, как был низвергнут идол Перуна (тоже народная святыня того времени) основателем христианства в России. Пусть медные лбы, величаясь своим патриотизмом, ходят вокруг да около и пусть вопят в отчаянии, как поклонники Перуна: «Выдывай, боже!».

Но, может быть, я поднял вопрос в слишком высокие и отвлеченные сферы. Может быть, дело стоит просто так, что мы, полагая в своем ослеплении великие международные ве-

щи уже достигшими полного развития и осуществления на Западе, и именно на либеральном Западе, желаем пересадки Запада к нам, на Восток. Медные лбы говорят это. Забыв, как сами они стучали своею непроницаемою металлическою поверхностью перед либеральным Западом и как они не разбились только потому, что медные лбы вообще не разбиваются (пусть г. Марков вспомнит, например, полемический эпизод из-за взглядов графа Л. Н. Толстого на народное образование)^[7], забыв, говорю, свое прошлое, они вместе с тем с невероятною наглостью валят с больной головы на здоровую. Дело в том, что за все эти семидесятые годы ни один орган русской печати не относился к различным проявлениям Запада, и в особенности либерального Запада, с такою пристальною, тревожною, с такою, смею сказать, патристическою критикою, как мы, неправедно носящие титул *«Отечественных Записок»*. Я вызываю любой медный лоб опровергнуть меня. Опровергнуть, разумеется, фактически, а не так, как Ноздрев возражал Мижуеву: «А вот же поймал, вот нарочно поймал!». Правда, мы не вопияли о нашей «самобытности» и не трепали за волосы все европейское прошлое и настоящее, а напротив, видели в нем и лучи ослепительно яркого, благодатного света. Но тем не менее верно, что нынешние модные противники «quasi-либерализма», «лжелиберализма» и проч., сплошь и рядом бьют нам челом нашим же добром, только в искаленном виде, с придачей нахальства в тоне, всякого вздора и мракобесия в содержании.

О медные лбы! Что говорить о прошлом? И теперь, когда мы систематически отказываемся бить лежачего и стрелять в спину, мы не поступились ничем из своих взглядов. А медные лбы читают, например, хоть интересные статьи г. В. В.^[8], в которых разъясняется, что для нашего отечества не обязателен и даже невозможен путь европейского либерального развития, читают и говорят: «Орган расхожего европейского либерализма, словно в насмешку присвоивший себе имя „Отечественных Записок“»...

Паки и паки: медные лбы! А вы, вареные души, неужто вы, в самом деле и напередки будете «ничего»? Неужто души у вас выварены до состояния мочалки?!

Как ни гладок, как ни крепок, как ни лоснится медный лоб, но есть же все-таки в конце концов какая-нибудь цель, не сознательная, так инстинктивная, его наглого лгания. Ноздрев лгал по неудержимой склонности своей в некотором роде художественной натуры, из элементарного желания напакостить ближнему, из желания оказаться приятным человеком в той или другой компании. Но в конце концов он обдeldывал свои делишки, глупо, неумело, беспорядочно, но обдeldывал. Так и нынешние медные лбы и даже о гораздо большей степени.

В той же статье г. Маркова, которая служит исходным пунктом для настоящей главы «Записок Современника», говорится о «навязываемой нам литературою известного направления обязанности заклать в жертву интересов кре-

стьянского сословия все другие интересы и сословия русского государства, сознательно игнорируемые этим направлением». Говорится также о «мечтаниях нашей „мужиковствующей“ журналистики, великодушно жертвующей чужими интересами и претендующей основать на этом дешевом подвиге свою репутацию передовых людей России. Вот корень вещей. Это ненавистное „мужиковствующее“ направление (термин, до которого г. Марков своим умом дошел, чем очень гордится) и есть именно то „галманское“ направление, которое вторит европейскому либерализму, осмеивает народные святыни и проч. И в этом все дело. Г. Маркову нет никакого дела до того, что настоящий „расхожий европейский либерализм“ никогда фактически „мужиковствующим“ не был и никогда не мог быть таковым в принципе. Но г. Маркову и вообще нет дела до Запада и Востока, Севера и Юга. Все это – аксессуары или, пожалуй, бильярдные шары, которые игрок сажает то в среднюю лузу, то в одну крайнюю, то в другую, смотря по тому, как удобнее. Самая же суть состоит, как давно уже разъяснил сам г. Марков, в „восстановлении простых и тихих прелестей крепостного быта“, в обновленной, конечно, форме. Можно это устроить при помощи европейского либерализма – прекрасно: да здравствует либерализм! Нельзя – г. Марков поищет других средств, будет ругать либерализм чуть что не непечатными словами и уличать прохожих в измене отечеству. Обращаясь же к „мужиковству“ по существу, надо сказать прежде всего следу-

ющее. Если бы понадобилось „заклать в жертву интересов крестьянского сословия“ интересы собственно г. Маркова и присных его, то мы, конечно, над таким делом не задумались бы. В этом я должен откровенно сознаться. Что же касается заклания „всех других интересов“, то это обвинение клеветническое и меднолобое. Интересы крестьянского сословия для нас действительно дороги, и я не вижу еще резона обвинять нас по этому случаю в измене отечеству и в „облаивании народных святынь“». Но вопрос состоит все-таки в том, как сочетать эти интересы с интересами тех великих международных вещей, о которых говорено выше.

Это интересный предмет, но при обсуждении его присутствие г. Маркова совершенно излишне. Идите, г. Марков, куда угодно; идите... и вперед не грешите, хотел я сказать, но, право, это не важно. Можете, пожалуй, и грешить...

Дело в том, что г. Марков на этот раз как будто утрачивает свой характер типа: он с негодованием говорит о «мужиковстве», тогда как другие противники «лжелиберализма» преисполнены особливою преданностью мужику и только и говорят, что о заклании «всего» в жертву интересам крестьянского сословия. Да погибнет все, кроме того, что нужно русскому народу, мужику! – такова тоже современная модная песня, и я рекомендую читателю внимательно вдуматься в тот фортель, который может быть выкинут и действительно выкидывается при помощи этой песни. Хотя бы не для того, чтобы удалить или раздавить этот фортель – может быть, в

нем выражается непреклонный и неумолимый исторический фатум, – а чтобы знать, как идут дела в родной стране.

Демократический фортель, но фортель...

Нынешнее царствование уже отмечено несколькими важными правительственными распоряжениями: об обязательном выкупе крестьянских наделов, о понижении выкупных платежей, о прекращении продажи казенных земель в Оренбургском крае на льготных условиях 1871 г., об облегчении для крестьян арендования свободных казенных земель. Общий характер этих мероприятий несомненен: все они клонятся к тому, чтобы сблизить производителя-крестьянина с землей. Вместе со всеми благомыслящими русскими людьми мы приветствуем этот принцип, хотя и не знаем, до каких пределов предполагается его осуществить. Как бы то ни было, но правительственный почин дал соответственный толчок общественной мысли. Послышались самопроизвольные отказы от земельных участков, полученных на льготных условиях; симферопольское земство поставило отчислить 5 000 руб. в год на устройство безземельных крестьян; мелитопольское земство назначило капитал в 60 000 для пособия крестьянам в покупке земель; таврическое губернское земство назначило 150 000 руб. на образование капитала для ссуд безземельным; полтавское губернское земство постановило приобрести 12 000 десятин земли с тою же целью устройства безземельных крестьян. Не много все это, разумеется; но принцип мы все-таки высоко ценим. К сожалению,

нию, история попытки полтавского земства получила совершенно неожиданный финал. Вот как он рассказан в газетах.

Полтавская губернская управа, по словам циркуляра председателя губернским гласным, считая своею обязанностью пользоваться каждым случаем для содействия земельному устройству безземельных крестьян, не могла не обратить внимания на дошедшее до нее сведение, что в Миргородском уезде продается на весьма льготных условиях имение г. Муравьева-Апостола, состоящее из 12 000 десятин. Имение это находилось в пожизненном владении г-жи Муравьевой-Апостол и после ее смерти должно было перейти к М. И. Муравьеву-Апостолу. Вследствие соглашений пожизненная владелица отказывалась от пожизненных прав, а г. Муравьев соглашался продать свои права с выделом пожизненной владелице 3 500 десятин – за 300 000 руб., а без этого выдела – за 650 000 руб. Выходило, таким образом, с небольшим 50 руб. за десятину; для Полтавской губернии это цена дешевая. Губернская управа немедленно командировала в Москву для переговоров с г. Муравьевым члена своего г. Ильяшенко и, кроме того, имея в виду, что попечитель московского учебного округа г. Капнист – полтавский землевладелец, обратилась и к нему. Однако г. Капнист вместо содействия счел своею обязанностью испортить все дело. Казалось бы, ему принадлежало право или оказать просимую помощь или просто отказать в ней; но он почему-то вообразил себя в роли «попечителя» полтавского земства, призванного про-

изводить оценку разумности и правильности земских действий. Присвоив себе такую роль, он счел своим нравственным долгом «помешать» земству в осуществлении его предприятия и ответил земской управе, что, по его мнению, покупка имения – «операция невозможная *без нарушения законных прав, задач и целей земства*», что она даже «не соответствует *видам правительства* и может породить „несбыточные надежды и ложные слухи“. Таким образом, землевладелец и попечитель учебного округа г. Капнист присвоил себе еще роль выразителя правительственных взглядов на вопросы земского и народного хозяйства. Далее г. Капнист прибавил, что он успел даже „отклонить“ г. Муравьева от сделки с земством и что г. Муравьев сам разделяет его взгляды. Вот как поступил действительный попечитель учебного округа и самозванный попечитель земства. На поверку, однако, вышло, что г. Муравьев не совсем разделял попечительские взгляды; он желал продать имение „или земству или родовитому дворянину“, но только впал в сомнение, точно ли правительство не отнесется к продаже земству „неодобрительно...“. Нечего делать, председатель губернской управы ввиду спешности и важности дела прибегнул к чрезвычайному способу: обратился к г. министру внутренних дел с телеграммой, в которой, объяснив обстоятельства дела, просил сообщить продавцам, что начатое предприятие не противно видам правительства, а, напротив, соответствует им; в то же время он вступил в переговоры с харьковским зе-

мельным банком об обеспечении сделки, в чем и успел. На телеграмму не последовало ни утвердительного, ни отрицательного ответа. А тут кстати подвернулся конкурент-покупатель, кн. Мещерский, относительно которого не возбуждалось уже никаких сомнений, и земское дело окончательно потеряно. Словом, тут как нарочно сошлись все неблагоприятные случайности. Циркуляр заключается следующими словами: „Глубоко сожалея о неудаче, губернская управа будет считать для себя поддержкой в дальнейших действиях ваше сочувствие к образу ее действий в настоящем случае“».

История крайне любопытная сама по себе. Частный человек, никем не уполномоченный, совершенно самопроизвольно налагает от имени правительства свое veto² на сделку, не только не предосудительную вообще, но по всем видимостям совпадающую с последними правительственными заявлениями. И добро бы это Иисус Навин был, который своим словом остановил солнце, а то всего-то г. Капнист!

Я не счел бы, однако, нужным напоминать читателю эту, без сомнения, уже известную ему историю, если бы она не наводила на некоторые общие размышления и опасения.

В обществе и литературе то и дело слышатся ныне возгласы: долой «интеллигенцию» и да здравствует народ! Хорошо. Я не высокого мнения о русской интеллигенции и никому не уступлю в искренности пожелания: да здравствует русский народ! Но я боюсь данайцев, дары носящих. Боюсь, что

² Запрет (лат.). – Ред.

господствующее настроение общественной мысли отольется и уже отливается в схему, которую можно заимствовать у газеты «Русь»: из уважения к требованиям народной совести и народных верований театры в посту должны быть закрыты; что же касается народного понимания хозяйственных отношений, то тут не у народа надо справляться, а у интеллигентного человека, г. Самарина^[9], который сочинил теорию достаточности наделов... Это только схема. Дело не в великопостных спектаклях, конечно, и даже не в запрещении служить панихиду в память великого поэта, составляющего честь и красу отечества. Дело в общей тенденции – задавить под предлогом народных идеалов великие международные вещи и... и все-таки ничего не дать народу...

Госпожи вареные души! Если вы уже выварены до состояния мочалки и не можете не обниматься с медными лбами, то по крайней мере знайте, кого вы обнимаете.

Господа медные лбы! Если в вас под металлической крышкой сохранилась хоть единая капля человеческого достоинства, – бросьте клевету и наглуую ложь, перестаньте валить с больной головы на здоровую, перестаньте кощунствовать, толкуя об идеалах, и говорите прямо, чего вам нужно.

Комментарии

1.

«Русь» – газета, издававшаяся славянофилом И. С. Аксаковым в 1880–1885 гг.

2.

Е. Л. Марков (род. в 1835) – земский деятель 70-х годов, либеральный публицист и писатель.

3.

Амикошонские любезности – чрезмерная фамильярность, грубо подчеркнутые приятельские отношения.

4.

«...Сизым орлом под облаками...» – фраза из «Слова о полку Игореве».

5.

Кувшинников, Поцелуев – персонажи «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, кутившие вместе с Ноздревым.

6.

«Кровавое событие 1 марта...» – 1 марта 1881 г. народниками был убит император Александр II.

7.

«Полемиический эпизод из-за взглядов графа Л. Н. Толстого на народное образование...» – Речь идет, очевидно, о статье Л. Н. Толстого «О народном образовании» («Отечественные записки», 1874, № 9), вызвавшей большие споры.

8.

В. В. – В. П. Воронцов (1847–1918), один из идеологов народничества.

9.

Речь идет о Ю. Ф. Самарине, одном из либеральных деятелей крестьянской реформы, славянофиле.